

Владимир Бумаков

ГОРЯЧИЙ БЕТОН СЕБЕЖСКОГО УКРЕПРАЙОНА

документальная повесть

Владимир Бумаков

**Горячий бетон
Себежского укрепрайона.
Документальная повесть**

«Издательские решения»

Бумаков В.

Горячий бетон Себежского укрепрайона. Документальная повесть /
В. Бумаков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838646-6

Все события, описанные в этой работе, реконструированы по результатам моих бесед с ветеранами Великой Отечественной войны и старожилками Себежского района, а также по итогам поисковой и архивной работы поискового отряда «Забытый батальон». Названия всех населенных пунктов, рек, дорог — настоящие. Номера воинских подразделений, должности, звания и фамилии участников описываемых событий являются реальными, за исключением их диалогов.

ISBN 978-5-44-838646-6

© Бумаков В.
© Издательские решения

Содержание

8 июля 1941 года. Деревня Асетки	9
8 июля 1941 года. Деревня Асетки. Первые выстрелы	13
8 июля 1941 года. День	17
9 июля 1941 года. Деревня Скробово. Позиции 422 полка 170 стрелковой дивизии	19
5:30	20
6:00	21
6:20	22
8:00	23
9 июля 1941 года. Деревня Плейково	24
15:00	25
9 июля 1941 года. Деревня Скробово	26
8:00	27
9:00	29
10:00	30
12:00	31
17:00	32
20:00	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Горячий бетон Себежского укрепрайона

Документальная повесть

Владимир Бумаков

Фотограф Владимир Бумаков

© Владимир Бумаков, 2018

© Владимир Бумаков, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4483-8646-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Написанию этого очерка предшествовали годы поисковой работы, в ходе которой накопился не только материальный багаж (находки, сделанные на местах описываемых событий, результаты бесед с живыми тогда еще старожилыми и ветеранами войны), но, даже в большей степени, багаж эмоциональный, позволяющий представить характеры наших солдат и офицеров, осмыслить их поступки, совершенные в первые дни войны на Себежской земле. Этот очерк я создавал, скорее всего, для самого себя и моих детей, знающих из моих рассказов о событиях далеких уже времен, происходивших практически за окнами их дома. На примере описываемых мною поступков, совершаемых героями очерка, я хочу показать своим современникам, что все правильное в этой жизни даётся трудно. Что трудно служить, трудно воевать, трудно решиться на смерть во имя выполнения своего долга. Что никто не знает, где у него та грань, за которой самопожертвование становится единственным шансом на сохранение чести. Но если есть искреннее понимание того, что твоя жизнь будет истрачена во имя великой нравственной цели, то идти до конца будет не сложно.

Этим очерком я хочу отдать дань своей памяти всем без исключения бойцам и командирам 170-й башкирской стрелковой дивизии, принявшим смерть на себежской земле, в двух тысячах километрах от родного дома; ребятам из Москвы – пулеметчикам 257 и 258 отдельных пулеметных батальонов, сражавшихся в своих ДОТах на подступах к Себежу; пограничникам 11-го Себежского пограничного отряда, героически погибшим на своих рубежах и не посрамившим пограничных знамен. Когда работаешь на местах боев, которых много в себежской глубинке, то отчетливо ощущаешь, что те люди, которые защищали мой родной Себеж, всё ещё здесь – в заплывших окопах и воронках, под этой цветущей травой и могучими соснами, в этом мягком жёлтом песке. Но я их не вижу, а только ощущаю их присутствие. Иногда мне кажется, что это они надиктовали мне то, что осталось только написать...

Мой очерк о всех них и для всех нас

Все события, описанные в этой работе реконструированы по результатам моих бесед с ветеранами Великой отечественной войны и старожилыми Себежского района, а также по итогам поисковой и архивной работы поискового отряда «Забывший батальон».

Названия всех населенных пунктов, рек, дорог – настоящие. Номера воинских подразделений, все должности, звания и фамилии участников описываемых событий являются реальными, за исключением их диалогов

У меня есть основания полагать, что события происходили так, как описано в данной реконструкции. Или почти так. Важно, что они произошли...

Командир поискового отряда «Забывтый батальон» Владимир Бумаков

06 июля 1941 года. Пограничная деревня Асетки Себежского уезда Калининской области. Немногочисленное после спешной эвакуации население деревни, торопливо снующее между крепкими бревенчатыми домами, занято непонятно чем. Для женщин и непризывного возраста мужиков уже несколько дней совершенно осознанной является мысль о том, что прежняя мирная жизнь канула в небытие и грядущие времена ничего хорошего им уже не сулят. Оснований для нервного ожидания надвигающегося горя у этих людей более чем достаточно. Предчувствие несущегося сюда галопом кошмара проходит сотней усталых ног по каменному мосту через пограничную речку Синюху, что торопиться своим течением с юга на север прямо под окнами деревенских домов.

Беженцы из недавно ставшей дружественной Латвии идут через Асетки нестройными группами, молчаливо окидывая сумрачными взглядами деревенские строения, стоящих вдоль дороги немногочисленных зевак, да суетливо копающих по краю деревни окопы советских пограничников. Возле здания сельского почтового отделения стоит большая парная подвода, на которую местные служащие без особого энтузиазма грузят тяжелые канцелярские столы, портреты вождей в рамках и всякую конторскую дребедень.

Проходящий мимо этого действия бородатый латгальский беженец, следующий во главе очередной небольшой группы своих товарищей по вынужденному бегству, с тихим раздражением в голосе рубанул фразой по толпе суетящихся почтарей: – «Да лишнее это все. Не успеете. Немец сюда прёт как на крыльях. Уходите. Столы эти уже никому не понадобятся». Резко остановившийся со связанными парой стульями в руках местный мужичек канцелярского вида, беззлобно прикрикнул на бородатого латыша: – «Иди – иди! Вам бы, лабусам, только горя кликать! А немцу скоро конец будет. Возьмутся наши за него не сегодня – завтра». Но уходящий дальше по добротной каменке старый латыш на эти слова внимания уже не обратил. Он понимал, что здесь будет совсем скоро...

Понимал это и советский пограничник, капитан Вячеслав Николаевич Знотин, исполняющий обязанности начальника заставы, расположенной на южной окраине Асеток. Он прекрасно знал свой участок местности и не питал никаких иллюзий относительно того, что сможет разбить силами вверенной ему заставы наступающих сюда фашистов. А вот задержать продвижение супостата – это как раз по плечу задача.

По участку заставы через старую советскую границу с недавно еще буржуазной Латвией хаотично двигались группы беженцев и немногочисленные подразделения Красной Армии, получившие приказ отходить к Себежу после сильных боев по ту сторону границы.

Начиная с последних чисел июня, поток этот день ото дня становился все плотнее и капитан пограничных войск НКВД СССР Знотин прекрасно понимал, что это означает. Он второй день приходил к каменному мосту через пограничную речку и, вглядываясь в мрачные лица проходящих мимо отступленцев, каждый раз проигрывал в голове план боя, который он скоро здесь даст.

7 июля 1941 года. Деревня Асетки

За прошедшую ночь поток беженцев внезапно прекратился. Над пограничной речкой Синюхой и деревней установилась какая-то липкая, противная тишина. Только из места расположения заставы доносились звуки хозяйственной возни. Пограничники спешно копали новые окопы, оборудовали запасные позиции для пулеметов, маскировали на краю леса укрытия для заставских лошадей и повозок. Все шло по отработанному варианту. Пока шло...

Так и не отдохнувший за прошедшую короткую ночь, Знотин сумрачно гонял в голове гнетущую мысль о том, что с началом боя все отработанные варианты полетят ко всем чертям и там только успевай-поворачивайся.

Спешным шагом капитан проследовал через молчаливо замершую деревню и вышел к пограничному мосту. В тысячный уже раз оглядев свою и сопредельную территорию, Знотин подозвал к себе своего лейтенанта-заместителя.

– Значится так, Николай Николаевич. Через границу немец в этом районе, кроме как по мосту, легко проскочить не сможет. Берега с нашей стороны крутоваты. Да и выйти к мосту у него получится только по дороге. В остальных местах – лес. В нем для атаки особо не развернешься. Посему, бери местных и разбирайте нахрен деревенскую кузницу. Все бревна, кирпичи, железо – все валите на середину моста и запечатайте мне его намертво. Вот здесь, за рябиной, где у нас дозор раньше сидел, копайте позицию и ставьте станкач (*Станковый пулемет «Максим». Примечание автора*). Чтобы сектор у него был от выхода к мосту с латвийской территории и твоя баррикада на мосту тоже вся простреливалась. Здесь дальность всего метров двести с небольшим и наши красавцы с «Максимом» разгуляются на славу.

Расписывая про станкач и «красавцев», Знотин как мог, старался подбодрить своего заместителя. Ведь с началом боя он сам и его лейтенант разойдутся по флангам обороны заставы и будут там руководить действиями своих пограничников. По крайней мере капитан очень надеялся, что так и будет.

Выслушав про мост, кузницу и пулемет у рябины, лейтенант запросил у Знотина разрешение на свой вариант закупоривания моста.

– Вячеслав Николаевич, разрешите доложить свои доводы по мосту?

– Слушаю, только давай без «поэзии». На нее времени точно не будет.

– Вячеслав Николаевич, предлагаю кузницу не разбирать, личный состав и время на это не тратить. Я быстро сгоняю в Скробово, к пехоте башкирской. Возьму у них килограмм десять взрывчатки. И мост этот аккуратненько в Синюху, камушек к камушку и уложу.

Знотин молча посмотрел прямо в излучающие молодецкий задор глаза юного лейтенанта, почесал лоб под козырьком своей зеленой фуражки и голосом усталого преподавателя вернул в реальность инициативного зама:

– Николай Николаевич. Я же просил тебя излагать без «поэзии». Вот с чего ты взял, что башкиры в Скробово тебе взрывчатки дадут? Они тебя даже не видели ни разу. К тому же, запомни раз и навсегда, лейтенант – мосты на границе без приказа свыше не взрывают! Не взрывают! Потому как мост для войск в обороне, это большая ценность и если он не нужен сегодня, то может понадобиться завтра. А ты его уже взорвал! Без приказа... А его не ожидается, потому как связи с Себежем нет и скорее всего не будет в ближайшее время. И кто ты после этого? Правильно – свой человек в трибунале. И я вместе с тобой, потому что по рукам тебе не дал и позволил нетабельной взрывчаткой единственный на участке заставы мост угробить... Так что отправляйся, Николай, к кузнице и чтобы через три часа вся она на мосту лежала непроходимой преградой. А я пойду, дам команду старшине пулемет ставить, чтобы мост покрасивше обстреливать.

Лейтенант, выслушав эту блиц-лекцию о важности мостов, продолжил уточнять задачу:

– Вячеслав Николаевич, мы кузницу разберем. Но через мост люди могут опять пойти. Не получится так, что мы мост слишком рано закроем? Вдруг там наши еще остались?

Но Знотин уже определенно знал, что установившаяся с ночи тишина не к добру. Если бы наши, отступающие из Латвии подразделения были бы в состоянии активно обороняться на этом направлении, то это было бы слышно. А так...

– Похоже, Николай Николаевич, что мы с тобой да наши пограничники – это и есть сейчас все наши люди здесь. Иди, выполняй задачу....

Весь последующий день застава совершенствовала оборону, копала окопы, раскладывала по позициям цинки с патронами и занималась еще тысячью дел перед своими первыми выстрелами на этой войне. Ни Знотин, ни его подчиненные, в суматохе подготовки к сражению и мысли не допустили, что может поступить приказ, застава снимется с места и уйдет в тыл. Пограничники всеми своими помыслами приросли к этому, ставшему им родным рубежу – к неширокой совсем речке, переход через которую они должны закрыть для фашистов, к крутым берегам, которые они тщательно пристреляли, к каменному мосту, который должен стать неприступным для противника. И никто из этих молодых парней с зелеными петлицами на воротниках гимнастерок еще даже представить себе не мог, какая цена уже назначена им войной за то, что они – советские пограничники...

Вместе с заставой Знотина, этот участок 11-го Себежского пограничного отряда держали еще два подразделения: заставы в Дедино и в Толстяках.

Между Асетками и Дедино, в маленькой, на пять дворов, деревне Плейково, был расположен кордон от знотинской заставы. Там капитан оставил десять своих пограничников и один ручной пулемет, с задачей – перекрыть для противника единственную дорогу, которая шла через границу по большой заболоченной низине и вела прямо в Дедино, в самый центр опорного пункта, состоящего из девяти мощных бетонных ДОТов, построенных здесь перед самой войной. Пограничники, оставленные в Плейково, получили от Знотина приказ ни при каких обстоятельствах не допустить проникновения немцев через границу по этой никчемной дорожке. Если это произойдет, то фашисты выйдут в тыл советской группировке в Скробово – Асетках и получат возможность сразу же атаковать гарнизоны наших ДОТов, вмурованных в склон длинной гряды на южной окраине Дедино.

8 июля 1941 года. Деревня Асетки

В густой, предрассветной туманной тишине, продрогшие у своего пулемета пограничники явно слышат приближающийся с территории Латвии треск моторов. Это точно не танки. Звук их двигателей асетковские пограничники слушали в 1940 году не один день подряд, когда через этот самый мост наши танковые подразделения входили в Латвию.

В этот раз звук моторов был прерывистым. Один боец из пулеметного расчета, замаскированного по приказу Знотина под пышным прибрежным кустом рябины, шмыгнул в ближайший к речке деревенский дом. Через три минуты пулеметчик вернулся в сопровождении начальника заставы.

Заглушаемая утренним туманом далекая трескотня мотора неожиданно успокоила Знотина: – «Ну вот и немцы. Через полчаса здесь будут».

– Значит так, товарищи пулеметчики. Дождаться, пока немцы начнут скапливаться на площадке перед мостом на латвийской стороне. До этого момента чтобы даже не чихали. Сейчас сюда их дозор выскочит. Себя не обнаруживать. Пусть думают, что граница открыта и вместо нас – только завал на мосту. Как только подойдет их основное подразделение, они начнут проверять, заминирован мост или нет и будут разбирать завал, что мы там наворотили. Дайте им расслабиться, чтобы все убедились, что опасности для них никакой. Как только увидите это, длинными очередями бейте прямо в кучу фрицев на том берегу. За тех, что на мосту, не беспокойтесь. Про них другие ваши товарищи подумают.

Автор повести (справа) и пограничник в форме образца 1939 года.

Отойдя от укрытой пулеметной точки вглубь деревни, Знотин дал команду старшине заставы отправить конного пограничника в Скорово, к пехоте из 422 стрелкового полка

170 дивизии. С посыльным капитан приказал передать, чтобы пехота в Скробово не расслаблялась. Застава будет держать мост до последней возможности, но как только возникнет угроза ее разгрома, она будет отходить к пехоте в Скробово. Людей своих Знотин ценил и, понимая, что он и 30 его пограничников долго с тремя пулеметами у моста не удержатся, принял решение, максимально задержав врага, отойти под прикрытие красноармейцев, у которых есть и орудия, и пулеметов побольше.

Пехота 422 полка 170-й стерлитамакской стрелковой дивизии прибыла на назначенный ей рубеж обороны в деревню Скробово второго июля 1941 года прямо со станции Себеж. Полк получил задачу прикрывать опорные пункты Себежского укрепрайона с южного, белорусского направления и разместил свои батальоны на полевых рубежах обороны вдоль крупных шоссе-санных дорог, которые почти все сходились в одной точке – в Себеже и затем шли дальше в Псков и Великие Луки.

Бойцы и командиры 422 полка к моменту прибытия в Себеж были уже людьми подготовленными, поэтому оказавшись в Скробово, они быстро приспособили к обороне окраины деревни и прилегающие к ней три большие высоты, с которых отлично просматривалась дорога, идущая от Себежа к Асеткам и далее, через каменный пограничный мост, в Латвию. Командование 170 стрелковой дивизии, изучив обстановку по картам, уяснило, что другой капитальной дороги, кроме этой, в сторону Себежа нет. И что наступающие сюда от Даугавпилса и Краславы фашисты это знают. Посему встречать врага надо именно здесь. И бить его выгоднее всего начинать именно среди этих холмов и болот, где у неприятеля нет вариантов для маневра через другие направления.

Оборудовав все необходимые основные и запасные позиции, бойцы 422-го полка на всякий случай заминировали деревянный мост, перекинутый через речку Студенку на дороге от Асеток на Скробово. Минировал его Яков Казанцев, солдат 422-го полка, призванный из башкирского Белебея. *(Останки Якова Степановича Казанцева и двоих его боевых товарищей мы поднимем в 2012 году на окраине бывшей деревни Скробово. Яков Степанович Казанцев и его товарищи похоронены на братском кладбище в деревне Турки-Перевоз Невельского района)*

Яков Степанович Казанцев.

Пока Казанцев и его саперы заканчивали маскировку взрывчатки под мостом через Студенку, к ним подъехал конный направлонец от Знотина. Заметив, что саперы возятся с минированием единственного моста между заставой и тыловой деревней, пограничник неодобрительно попенял Казанцеву:

– Вы это, не горячитесь тут со своим динамитом. Начальник заставы велел передать, что если мы заставу и мост не удержим, то будем отступать к вам, в Скробово. Поэтому смотрите, этот мост у нас под носом не взорвите. А то мы сильно уставшие и злые к вам в окопы наведаемся.

– Ты не мне это говори, а дуй к моему командиру в деревню – ответил Казанцев. В деревне спроси лейтенанта, ему все и доложи. Мне прикажут взорвать – я взорву.

Переехав на другой берег Студенки, пограничник хотел уже было дать шпоры своей лошади, как вдруг со стороны заставы, из-за небольшого перелеска, скрывающего Асетки, ударил по ушам и нервам хлесткий и злой звук длинной пулеметной очереди.

«Мать честная – выдохнул пограничник, крутясь в седле вытанцовывающей под ним лошади – Началось!» И придерживая рукой за козырек свою аккуратную зеленую фуражку, понесся в Скробово. Передавать командиру пехотинцев то, что приказал ему Знотин.

8 июля 1941 года. Деревня Асетки. Первые выстрелы

Как и предполагал начальник заставы, первыми к запечатанному завалом пограничному мосту прибыли немецкие дозорные на двух мотоциклах. Они, не заезжая на мост становились и в два бинокля осмотрели затихшую на противоположном берегу деревню и уходящую вдаль, в направлении Себежа каменную дорогу.

Наши пограничники, укрывшиеся за деревенскими домами, в замаскированных пулемётных гнёздах по берегу реки, ничем своего присутствия не выдавали.

Деревенские жители разбрелись по своим домам и сидели там, обреченно ожидая своей участи. Естественно, они понимали, что сейчас начнётся стрельба, полетят пули, дома скорее всего загорятся и, всё... Можно, конечно, уйти в дальний лес и ждать там, но стойкая привязанность к родному очагу, этому главному элементу деревенской жизни, оставила этих людей в их домах.

Жить в лесу все равно не будешь, а дома ещё могут и сохраниться – думали оставшиеся жители Асеток и с тревожным ожиданием посматривали в окна. Ещё накануне Знотин со своим заместителем прошёл по всей деревне и попросил жителей во время боя укрыться в домах, да погребях. «По улицам прошу не бегать! А то можем в суматохе вас вместо немцев пострелять. Разглядывать нам тут особо некогда будет» – резюмировал капитан. Вот местные и сидели по домам; а те, у кого были дети – полезли в подвалы.

Рассмотрев в бинокли деревню и завал на мосту, немцы на него не пошли. О чем-то переговариваясь между собой, двое из вражеской группы спустились к воде и внимательно осмотрели каменный мост снизу. Убедившись, что никакой взрывчатки на мосту нет, фашисты заметно повеселели и, усевшись в свои мотоциклы, умчались обратно, навстречу движущейся сюда колонне 123 пехотной дивизии вермахта.

Все передвижения немецкой разведки у моста, отчетливо наблюдали с нашей стороны только шесть человек. Это сам Знотин, лежавший с биноклем под специально оставленной в высокой траве телегой; отменно замаскированный под старой рябиной расчёт «максима», который должен был начать предстоящий бой; заместитель Знотина с расчётом ручного пулемёта, лежащие за штабелем брёвен дальше по берегу Синюхи. Остальной личный состав заставы занимал позиции по краям деревни и вокруг помещения заставы. В самой деревне Знотин своих пограничников располагать не стал, ибо уличный бой с явно превышающим по количеству противником в его планы не входил.

Через полчаса после отхода мотоциклистов, в глубине леса на латвийской стороне зазвучали моторы уже более тяжёлой техники. На широкую площадку перед мостом выехали сразу три больших немецких грузовика, из кузовов которых неторопливо стали высаживаться солдаты с карабинами в руках. Из кабины дальней машины вылез офицер и стал что-то обсуждать с подошедшими к нему унтерами.

Так близко фашистов Знотин видел первый раз в жизни. Не сказать, что вид противника озадачил его. Нет, тут он как-раз-то подуспокоился – обычные люди, только им дома не сидится. Порадовала капитана некая беспечность в поведении вражеского подразделения. По всему, немцы точно не ожидают здесь сопротивления и тем самым, его пограничники получают дополнительный шанс начать сражение так, как и было запланировано.

Пока немецкий командир что-то обсуждал со своими унтер-офицерами, часть неприятельских солдат разбрелось по полянке; кто-то пошёл в кусты справлять нужду, несколько человек, громко смеясь и разговаривая, спустились к речке и стали умываться.

«Вот придурки, совсем обнаглели! Ничего уже не боятся» – произнёс мысленно Знотин, отметив тем не менее, что никто из вражеских солдат не выпустил из рук своё оружие даже в этой спокойной обстановке.

«По всему видно, что опытные. Придется с ними повозиться. Хорошо, что пулеметов у них не видно» – продолжал размышлять капитан.

Тем временем, фашистский офицер дал давно ожидаемую Знотиным команду на разбор завала на мосту. Вражеские солдаты собрались в некое подобие строя между грузовиками, а к завалу пошли два человека, настороженно разглядывающие сваленные в большую кучу брёвна, листы кровельного железа и прочий хлам, придающий всей конструкции вид неприступного бардака.

«Сапёры» – определил Знотин. «Ну что, идите, смотрите. Помереть вам прямо здесь придется» – злорадствовал капитан, понимая, что пара вражеских солдат сейчас шагает в обрамлении пулеметного прицела, сопровождающего их прямо к воротам в преисподнюю.

Не успел Знотин насмотреться на последние секунды жизни двух фашистов, подходящих к мосту, как в тридцати метрах от него заревел, захлебываясь звериной яростью наш станковый «максим».

Длинная пулеметная очередь струёй раскалённого металла вонзилась в строй фашистских солдат, расслабленно стоящих возле своих машин; раскидала ставшие вдруг бесформенными тела, ранцы, карабины и прочий, навешанный на немцах шмурдяк. Пули, летевшие из пулемётного ствола, на такой короткой дистанции превратились в сплошной смертоносный поток, накрывший сразу всех, кто начал метаться по противоположному берегу. Такого массового уничтожения противника Знотин ещё никогда не видел.

В возникшей на вражеской стороне неразберихе, среди нагромождения распоротых пулями неприятельских тел, капитан заметил искаженное безумным ужасом лицо немецкого офицера. Укрывшийся за грузовиком фашист что-то истошно кричал своим разбегающимся подчиненным. Знотин не успел как следует разглядеть своего противника, как наша пуля, рикошетом отскочившая от автомобильного колеса, снесла вражескому командиру половину головы. «Охренеть – не встать» – только и подумал наш капитан, наблюдая за результатом работы своего станкового пулемёта.

Расчёт второго нашего пулемёта, укрытого за брёвнами дальше по берегу, пока в бой не вступал. Согласно приказу Знотина, этот пулемёт должен уничтожить фашистов, которые попытаются перебраться на наш берег через неглубокое русло Синюхи. Но после того, как первая очередь основного пулемётного расчета повалила фашистский строй на землю, никто из врагов к реке не спустился.

Пока начальник заставы разглядывал поле боя, оценивал и, честно говоря, ошалевал от увиденного, основной пулемёт продолжал работать. Как его пулемётчики успели сменить ленту, Знотин, в суматошном созерцании, даже не заметил. Он лежал, приподнявшись на локтях под скрывающей его позицию телегой и пристально наблюдал за тем, как в двухстах метрах от него испаряется вражеское войско.

«Вот бы и дальше нам так воевать» – думалось Знотину, но тревожное осознание того, что фашисты скоро очухаются и возьмутся за этот участок по-серьёзному, заставляло капитана беспокоиться о том, что ему придётся делать, когда на противоположном берегу появится сотня-другая фашистов, знающих, что здесь стоят наши пограничники.

Солдаты вермахта у советского пограничного знака на границе РСФСР и Латвии

Станкач перестал стрелять так же внезапно, как и начал. Всего несколько минут прошло, а картина на участке уже совсем другая. На латвийском берегу вся площадка перед мостом покрыта серым ковром из мертвых вражеских солдат. Кто-то из гитлеровцев, не успевших словить свою пулю, успел удрать в недалекий лес, но для основной их массы война уже кончилась.

Переведя взор на позицию «максима», Знотин увидел, что его пулеметчики, улыбаясь, о чем-то негромко переговариваются между собой. Вот они, не нарушая маскировки, зарядили пулемёт новой лентой. Второй номер расчёта нагнулся в окоп и достал ведро с водой. «Вот это да... – ухмыльнулся внутренне Знотин – Не знаю я еще своих людей, не знаю... Три минуты назад эти двое впервые в своей жизни угробили десятка три человек и, ничего – улыбаются. Вот бы остальные мои оказались такими же головорезами».

А через несколько секунд, прямо на виду у Знотина произошло то, что резко изменило ход дальнейших событий.

Наши пулеметчики совершили грубую, смертельную ошибку. Сказалась их неопытность и уверенность в том, что на вражеском берегу живых уже не осталось. Второй номер расчета встал на колени на бруствер замаскированного окопа и повернув к себе ствол «максима», начал доливать в кожух воду из ведра. Хотя и стоял наш пограничник за бурно разросшимися ветками рябины, его манипуляции с пулеметом привели в движение прикрывающий позицию кустарник. Это заметил ошалевший от такой нелепости Знотин; это заметили и на вражеском берегу.

Не все фашисты полегли от нашей первой пулеметной очереди. Часть из них успела нырнуть в ближайший лес, но далеко они не отошли, а залегли и из-за деревьев стали наблюдать за нашим берегом. Густую рябину справа от моста они, естественно, сразу взяли под подозрение, но после прекращения нашего огня, активности не проявляли. Коротким броском из леса, под прикрытие пробитого пулями грузовика, выдвинулся расчет немецкого ручного пулемета. Фашисты, незаметно для наших пограничников, изготовились к стрельбе и, затаившись ждали, наблюдая за нашим берегом.

Дальнейшие события могли бы пойти по другому сценарию, но тут из своего окопа вылез наш пулеметчик и начал доливать в кожух воду. Знотин, только что восхитившийся работой своих бойцов, сейчас пришел от увиденного в тихий ужас: – «Он что, совсем охренел?! Куда он вылез?!». Но больше капитан уже ничего не успел предпринять. С вражеского берега точно по шевельнувшемуся рябиновому кусту рубанула длинная пулеметная очередь. Сотни грамм разогнанного до сверхзвука свинца ударили нашему, сидящему на бруствере бойцу в левый бок, в корпус пулемета и разметали на куски голову первого номера расчета. По сторонам поле-

тели кровавые ошметки, обрывки обмундирования, ветки кустарника... Вся позиция скрылась в облаке взметнувшихся фонтанов песка и травы.

Хладнокровно восприняв трагичность произошедшего, не потерявший самообладания Знотин машинально глянул на наручные часы.

«Одиннадцать сорок. Станкача нет. Расчет погиб. Мост теперь под прикрытием только одного пулемета. И он далеко...» – эти лихорадочные мысли рвали душу капитана на части.

Быстро осмотрев противоположный берег, на котором исходил дымом подожженный немецкий грузовик, Знотин с облегчением отметил, что в атаку немцы пока не пошли.

«Это хорошо! Это очень хорошо! Значит у нас есть немного времени...» – продолжал обдумывать ситуацию капитан и, покинув свою наблюдательную позицию, метнулся за ближайший бревенчатый дом. Там его ожидали два пограничника, оставленных в роли связных.

«Значит так, товарищи пограничники – начал ставить им задачи капитан – застава в бою. Ты – бегом к пулеметчикам, что остались справа, дальше за мостом. Передать им мой приказ – переносить позицию ближе к мосту и не допустить переправы противника через речку еще хотя бы полчаса. А ты – ползком на мое место под телегу и как увидишь, что фашист пошел через речку, сразу стреляй. Можешь не попадать в них, но главное – чтобы мы твою стрельбу услышали. Хотя, приказываю попадать. Все – выполняйте».

Дальше все события стали развиваться с какой-то страшной для Знотина быстротой и все его планы на стройную и устойчивую оборону полетели, чего он и опасался, к чертовой матери.

Старый советский пограничный столб на границе России и Латвии. Установлен в 1935 году. В верхней части видны следы от попадания пуль. Фото 2013 года

8 июля 1941 года. День

На вражеском берегу противник перегруппировался и, скрытно выдвинувшись к кромке леса, внезапным броском атаковал советских пограничников, успевших перенести свои позиции на берег речки Синюхи. Первая атака фашистов была поддержана массированным огнем их пулеметов, которым удалось подавить часть наших огневых точек.

Переправившиеся через Синюху фашисты пытались броском выдвинуться наверх береговой гряды и закрепиться там, однако грамотные действия пограничников не позволили им добиться этого. Противник понес значительные потери и откатился на свой берег. Наши пограничники сумели восстановить подавленные огневые точки. Застава продолжала полностью контролировать свой участок границы по высокому берегу речки Синюхи. При отражении первой вражеской атаки пограничники потеряли четверых убитыми, в том числе и заместителя начальника заставы, погибшего у своего ручного пулемета.

Через полчаса после окончания первой атаки, фашисты вновь пошли в наступление, но теперь направление их атаки сместилось левее. Немцы наступали через плохо пригодную для этого местность, на очень крутой берег, однако концентрация их пехоты и огонь поддерживающих средств был такой силы, что обороняющиеся пограничники не смогли удержать левый фланг обороны и отошли в район заставы, где сумели закрепиться.

В 15:30 противник предпринял третью атаку на левом фланге заставы. Только в этот раз его штурмовая группа использовала помощь местного жителя из приграничного латвийского поселка. *(Фамилия этого проводника была Цитович. После начала оккупации он пошел на службу к фашистам и в 1942 году был уничтожен советскими партизанами. Примечание автора).*

Проводник вывел фашистов через неприкрытый участок густого лесного массива в тыл левого фланга обороны заставы. Отсюда немцы вновь атаковали позиции пограничников в Асетках. Деревня загорелась. Одновременно противник атаковал позиции заставы в лоб, переправившись через речку Синюху.

Застава начала нести серьезные потери в личном составе и потеряла два ручных пулемета. Станковых пулеметов к этому времени у Знотина уже не было.

Пограничникам удалось штыковой контратакой уничтожить прорвавшихся в обход фашистов, которые оказались неспособными вести рукопашный бой на ограниченном пространстве.

К 17:00 часам перед позициями пограничников лежали на земле более полусотни уничтоженных солдат 123-й пехотной дивизии вермахта. Немецкие санитары, укрываясь в складках местности эвакуировали своих раненых камрадов, периодически попадая под огонь пограничников. Подчиненным Знотина было некогда рассматривать в траве и дыму белые повязки неприятельских санитаров, поэтому они валили их при первой возможности *(Об этом фашисты напишут в своих боевых донесениях как о зверствах наших комиссаров. Примечание автора).*

Используя передышку между атаками, Знотин, который к этому времени был касательно ранен в плечо, перегруппировал оставшихся пограничников и спешно оборудовал новый рубеж обороны на высотке у дороги, которая вела от Асеток в Скробово. Удерживать с двенадцатью бойцами горящую деревню и мост, который уже неоткуда было обстреливать, Знотин посчитал нецелесообразным. По его мнению, застава справилась со своей задачей отлично. Целый день фашисты пробиваются через пограничную речку, потеряли под сотню солдат убитыми и ранеными и при этом не захватили и километра по эту сторону советской границы.

В 18:30 фашисты, подтянув подкрепление, атаковали позиции Знотина на поросшей сосняком высотке. Единственный ручной пулемет, который стал опорой всей обороны, работал практически не переставая.

Ставший к пулемету старшина заставы – бывалый пограничник, прибывший сюда с финского участка, принял решение никуда отсюда не уходить. Остервенение, с которым он расстреливал перебежавших по полю фашистов, наверно отпугнула от него саму Смерть, которая без усталости металась по этой территории, подхватывая своих новых подопечных.

Бой у высотки продолжался до **20-ти** часов. Фашисты не прошли. К пулемету остался один диск с патронами, а у Знотина – шесть человек.

В 20:15 Знотин принимает решение отходить в Скробово, к пехотинцам 422-го полка. Старшина отходить отказывается и остается прикрывать отход капитана с подчиненными.

20:30. Капитан и его бойцы уходят с высотки. Старшина выкопал свою последнюю позицию под поваленной старой сосной и усевшись на дно окопа, остался один. Он ничего не боялся. За сегодняшний день он, став правой рукой самой Справедливости, предал скорому суду и быстрой казни такое количество врагов, что вдесятеро перепродал свою жизнь. Теперь старый пограничник чувствовал себя безумно усталым и очень спокойным. Он знал, что увидит в последние секунды своей жизни. Жалел он только об одном – что его тело никогда не найдут и он обречен остаться на своей последней заставе навечно. Так и случилось....

21:00. Знотин и его бойцы группой переходят через деревянный мост, заминированный Казанцевым еще утром. Их встречает дозор от башкирских пехотинцев и показывает им единственную не заминированную тропинку к Скробово. Все остальные пути перекрыты нашими минами.

До исхода 8 июля 1941 года фашисты больше не атаковали. Они остались зализывать раны на западной окраине догорающей деревни Асетки. А на высотке к востоку от Асеток, сидел в темное у своего пулемета старшина заставы. Он не хотел ни есть, ни спать. Отстраненно глядя на пляску огней в руинах деревенских домов, старшина на мгновение попытался представить: – «Вот интересно, а что здесь будет после войны?» *(После войны деревня Асетки не возродилась. Здание пограничной заставы простояло до 1943 года. В нем жили беженцы, вышедшие из Латвии. В 1943 году, во время контрпартизанской операции немцы здание сожгли, а его жителей расстреляли. Примечание автора)*

**9 июля 1941 года. Деревня Скробово.
Позиции 422 полка 170 стрелковой дивизии**

5:30

Не сомкнувшие в короткой летней ночи глаз саперы, оставленные в тайном окопе у заминированного моста через Студенку, слегка вздрогнули, когда в совершенно неподвижном, туманном воздухе гулкой трелью прогрехотала далекая пулеметная очередь. Ее звук, прилетевший со стороны оставленной пограничниками деревни Асетки, мгновенно взбудрил бойцов и те стали сверлить взглядами густой серый туман, поднимающийся от лениво струящегося течения Студенки.

Со слов пришедшего вчера сюда капитана-пограничника, саперы знали, что в Асетках остался один пограничник с пулеметом и что если он вдруг появится, его необходимо пропустить через мост и показать направление в Скробово.

Сразу за отбитой далеким пулеметом трелью, в той же стороне начали щелкать гулким эхом одиночные выстрелы карабинов. Похоже, что невидимый пулеметчик с самого начала боя очень экономил боеприпасы. На десяток одиночных выстрелов следовала одна короткая очередь. Потом очереди стали совсем короткими: по три-пять патронов. Потом совсем тишина...

«Похоже, что это тот пограничник, про которого нам вчера их капитан говорил – прокомментируйте услышанное командир саперной группы – видно, не придет он сюда. Он специально фрицев до утра там ждал, чтобы мы бы услышали, когда они в эту сторону выступят. Давай, дуй в деревню, пусть наши поднимаются. А я мост рвану, когда они подойдут».

6:00

В Скробово никого поднимать уже было не нужно. Со второй половины ночи личный состав батальона находился уже на позициях и теперь командиры сновали между отрытыми траншеями, пулеметными точками и прочими фортификациями, чтобы в десятый раз все проверить и перепроверить. Деревня еще накануне была тщательно подготовлена к обороне, но боевой устав требовал от командиров убедиться, что бойцы, оружие и участок местности к бою готовы. В этом вопросе были тысячи мелочей, но никакая мелочь таковой не считалась. Бойцы дивизии до этого дня в реальных боевых действиях не участвовали, но за их плечами были тысячи часов полевых сборов на полигонах в Башкирии, в месте формирования соединения и поэтому здесь, на Псковщине, солдаты действовали слаженно и грамотно.

Накануне местные жители, как будто предчувствуя последний в их прежней жизни мирный вечер, вытопили все деревенский баньки и большинство бойцов и младших командиров по-быстрому вымылись после нескольких трудовых дней; затем они разбрелись по своим позициям, чтобы хоть чуть-чуть поспать на разложенных по дну окопов шинелях.

Старшим офицерам батальона до банных процедур добраться было не суждено. Они рассматривали карты, потом ходили между позициями, затем опять склонялись над планами, что-то в десятый раз обсуждая.

В итоге, к утру 9 июля сама деревня Скробово и прилегающие к ней холмы были превращены в хорошо подготовленный оборонительный опорный пункт. На склонах холмистой гряды, протянувшейся вдоль охраняемой батальоном дороги, были оборудованы позиции для нескольких 45-ти миллиметровых артиллерийских орудий. Чуть выше орудийных позиций были сооружены укрепленные пулеметные точки.

Пока все было тихо, наша оборона в Скробово выглядела мощно и грозно. Но командиры прекрасно понимали, что у всей этой мощи есть один большой недостаток.

В тылу этого батальона до самого Себежа больше никого не было...

Соседний батальон полка находился в восьми километрах левее, за обширным массивом соснового леса, у деревни Байдаково. Никакого стыка с ним у гарнизона опорного пункта в Скробово не было. Поэтому рассчитывать этим двум батальонам можно было только на себя.

Прибывшие накануне вечером в Скробово капитан Знотин и пятеро его пограничников, поужинав у пехотинцев и наскоро помывшись в бане, пошли по каменной дороге в деревню Плейково, где в тревожном ожидании несло службу отделение пограничников, оставленное Знотиным два дня назад для прикрытия одной единственной дорожки, идущей из Латвии через большое болото и выходящей прямо к нашим ДОТам.

Встретившему и накормившему их в Скробово пехотному лейтенанту Знотин сказал, что оставаться в деревне он со своими пограничниками не будет. «У вас тут, я смотрю, войск вполне достаточно, чтобы фрица встретить как подобает. Поэтому путаться под ногами у вас я не буду. Пойду в Плейково, к своим. Нам еще дорогу там держать, скорее всего, придется» – подытожил Знотин.

«Мой старшина там остался – кивнул капитан в сторону Асеток – уверен, он подаст сигнал, как только немец в эту сторону двинется».

Поблагодарив пехотных за ужин, Знотин построил своих пограничников и ушел в ночь, чтобы в пяти километрах отсюда принять под командование уже другой участок границы и готовить его к обороне.

6:20

На улицах Скробово стали собираться местные жители. Из дворов они выводили лошадей, запрягали их в телеги, на которые грузили свой нехитрый домашний скарб: кур в плетеных корзинах и всякую поклажу. Коренастый, плотного телосложения деревенский мужик, который руководил всем этим действием, сообщил подошедшим командирам, что ночью большинство местных приняло решение уходить из деревни.

«Я немца в первую мировую воевал – рассказывал деревенский предводитель военным – Он сейчас тут все из пушек обстреливать начнет. Деревня сгорит вся наверняка. Посему, пойдем мы, подбру-поздорову, пока возможность есть. В Барлово, да в Стеймаках отсидимся».

8:00

Нестройная колонна деревенских жителей ушла по узкой, пыльной дорожке в сторону виднеющегося в двух километрах леса. Из деревни, еще вчера наполненной мягким духом жилья, пахло какой-то нехорошей пустотой.

Пехота, наблюдавшая, как местные обреченно покидают свои дома, заметно загрустила. «Так, товарищи бойцы – прекратил эту тихую тоску бывалого вида капитан – Все по местам. Ушли местные, это хорошо. Не надо нам беспокоиться за них, чтобы не подстрелить во время боя. Нам уходить некуда. Будем стоять здесь».

(Старинная деревня Скробово после войны не восстановилась. Из ее жителей до середины девяностых годов дожили всего два человека. Один из них и рассказал мне про бани и уход из деревни. Часть жителей вернулась в деревню только в августе 1941 года, спустя месяц после боя. Они и похоронили наших погибших в деревне и в окрестностях бойцов. Примечание автора)

9 июля 1941 года. Деревня Плейково 8:00

Прибывший сюда в середине ночи Знотин уже почти спал на ходу, но как офицер-пограничник, должен был соблюсти требования устава пограничной службы и принять доклад старшего погранаряда, оставленного охранять единственную на этом участке дорогу. Из рапорта своего сержанта Знотин выяснил, что за истекшее время никто с латвийской стороны интереса к охраняемой дорожке не проявил, зато прибывшие со стороны деревни Дедино саперы уложили в саму дорогу и по ее краям с десятков противопехотных мин. Таким образом, незаметно этим путем теперь через границу противник не переберется.

Практически теряя сознание от одуряющей усталости, капитан прошел в крохотную комнатку канцелярии и в полуобмороке сняв сапоги, рухнул на обтянутый потертым дерматином диван. Все – теперь хоть танки пусть идут, Знотин будет воевать лёжа....

15:00

Есть у организма военного человека такая настройка, которая позволяет ему спать очень быстро, восстанавливая практически полностью утраченные силы до более-менее работоспособного состояния. Вот и Знотин, проспав пять бессознательных часов, резко пришел в себя, обулся и приведя в уставной порядок внешний вид, вышел из помещения. Было жарко. Солнце, разогнав плотную ночную облачность, делало пребывание на улице некомфортным.

Вдали, там, откуда ночью пришел со своими людьми капитан, гулким звоном бился об нагретое июльское небо звук артиллерийских разрывов. «Так, в Скробово уже бой. Что-то много взрывов. Неужто фрицы пушки подтянули?» – оценивал ситуацию Знотин.

– Сержант – капитан подозревал своего бойца – давно стрельба в Скробово?

– Да уже с полудня бьют пушки. Пару раз перерыв был, а потом опять взрывы.

– А почему меня не разбудили, как только там война пошла? – гневался Знотин на совершенно невинного сержанта

– Так я будил вас, товарищ капитан! Только вы на меня смотрите и не просыпаетесь. Несколько раз я вас будил. Но все время – вот так...

– Ладно – уже мирно произнес Знотин – Может и не мог я проснуться. Смотри, я сейчас беру коня и еду к пулеметчикам, что в ДОТах перед Дедино сидят. Посмотрю, как к ним пристроиться можно. Эту нашу дорожку держать уже смысла нет, раз мин в нее понатыкали. Да и помещение кордона нам оборонять не для чего. Поэтому, отходим в Дедино, к ДОТам. В них можно хоть год воевать: стены крепкие, да и подходы все простреливаются. Собирай весь провиант, боеприпасы, оружие и веди людей к ДОТам. Я вас там встречу. Выполняй.

Капитан умчался в сторону Дедино, а пограничники на кордоне забежали, выполняя приказ начальника и спустя полчаса уже торопливо двигались через густой лиственный лес в указанном капитаном направлении. Все время, пока они собирались и шли к ДОТам, в районе Скробово беспрерывно стучало гулкое эхо снарядных разрывов.

9 июля 1941 года. Деревня Скорово

8:00

Сидящие в укрытии у моста через Студенку саперы даже привстали, чтобы рассмотреть совершенно неожиданную для них картину. По дороге от Асеток, где недавно работал наш пулемет, к заминированному ими мосту совершенно спокойно двигалась легковая машина. Наши бойцы аж слегка ошалели от увиденного. «Откуда здесь машина? – удивленно произнес полноватый младший сержант, только что дремавший в тени под нависшей над ними сосной – Может это наши как-то из Латвии выбрались?»

– Ага, а немцы тогда куда делись? Стрельба же только что была – разбил эти фантазии второй наш боец.

– Да хрен его знает. Но если это немцы – они что, совсем спятили? Или они думают, что нас здесь нет?

– Да может так и думают! Решили, что были здесь одни погранцы, которых они всех побили. А дальше – прямая дорога до Себежа.

– Ну, это хорошо, если фрицы так думают. Потому, что мы здесь есть!

Легковая машина, естественно, была немецкой. И ход мыслей вражеских офицеров, сидящих в ней, наши саперы полностью угадали. Подавив сопротивление пограничной заставы в Асетках, фашисты рано утром пошли зачищать территорию вокруг деревни и попали под пулеметный огонь старшины заставы, всю ночь просидевшего в ожидании своего последнего сражения. Немцы потеряли троих убитыми, троих ранеными и поднявшись на высотку, откуда стрелял старшина, нашли его мертвым. Старшина, расстреляв все патроны из пулемета, застрелился из своего револьвера. Скинув на мертвого старшину остывающий пустой пулемет, немцы наскоро присыпали его песком с бруствера и вернулись в деревню доложить, что больше в округе русских войск нет.

С латвийской стороны в Асетки приехали офицеры штаба 418 полка 123 пехотной дивизии, которые подтвердили, что до самого Себежа здесь советских войск больше нет, а сам Себеж уже практически взят эсэсовцами из «Мертвой головы». Позиции второго батальона 422-го полка в Скробово немцы от Асеток видеть не могли – их скрывал широкий лесной массив на северном берегу Студенки. Разведывательная авиация люфтваффе здесь тоже не летала, сосредоточив свои усилия на направлении Острова и Опочки.

Считая дорогу на Себеж открытой, немецкие штабисты решили поехать сразу в сторону города, чтобы там соединиться со своими камрадами, наступающими со стороны Лудзы. К тому же, им было известно, что левофланговые соседи из 122-й пехотной дивизии успешно пробились через линию советских бетонных укреплений в районе Грошево и в данный момент должны двигаться по дороге от Селиваново на Филоново, что находилась на полпути между Дедино и Себежем.

Как уже сотни раз до этого подтверждала военная история, самонадеянность на войне равносильна самоубийству.

Итак, немецкие офицеры, усевшись в свой «Опель-кадет», покатали по добротной каменной дороге в сторону древнего Себежа. Доехав до деревянного моста через Студенку, они решили все-таки не рисковать и дожждаться своих мотоциклистов сопровождения.

Пока мотоциклисты в Асетках собирались и заводили свои «Цюндапы», штабисты, оставив у моста машину, вышли на улицу и стали разглядывать окружающий пейзаж, бросая камушки в чистую воду Студенки и просто прохаживаясь возле своего «Опеля». В общем – радовались жизни.

Но, невидимой тенью их уже накрывало торопливо спешащее к ним возмездие. Будущее этих парней, разговаривающих на никому не нужном здесь языке, уместилось всего-то в десяти минутах.

Наши саперы внимательно следили за всеми перемещениями вражеских офицеров на противоположном берегу речки. А когда со стороны Асеток подъехали три мотоцикла с колясками, наши бойцы уже представляли, что они будут делать.

«Значится так, – поставил задачу старший саперной группы – мотоциклистов пропускаем через мост. Пусть чуток вперед проедут. Наши их там встретят. А как только машина на мост заедет – сразу рвем».

Дальше все пошло как по писаному. Мотоциклистов пропустили через мост, а как только легковушка выехала на середину бревенчатого настила, его взорвали. Вот всё так просто и получилось. Вражеских штабистов размазало по нагретому июльским солнцем себежскому небу, а уехавших вперед мотоциклистов расплыл кинжальный огонь нашего пулемета, укрытого в двухстах метрах от саперной группы. Двоих раненых мотоциклистов взяли в плен и шустро уволокли в Скробово на допрос.

9:00

Подрыв штабной машины вместе с мостом моментально привел в движение фашистскую группировку, которая собралась в районе Асеток и готовилась двигаться в сторону Себежа. Командование 418 полка 123 дивизии вермахта резонно предположило, что все-таки не знает всю обстановку в полосе своей ответственности и перед ними какие-то советские части еще могут держать оборону.

Немцы сформировали разведывательную группу, которая переправившись через Студенку, вошла в сосновый лес и начала продвигаться в сторону Скробово. Через 50 метров в лесу немецкие разведчики стали подрываться на минах и остановились.

10:00

Выслушав доклад вернувшейся разведгруппы, командование немецкого полка принимает решение – готовить ударную группировку и начинать наступление на Скробово по всем правилам боевых уставов.

Была запрошена артиллерийская поддержка и вскоре на западной окраине Асеток была развернута батарея 105-мм полевых пушек.

В сосновый лес, где утром подорвались немецкие разведчики, были отправлены саперы, которые в течение двух часов снимали советские противопехотные мины.

12:00

В сторону Скробово началось движение немецкой пехоты, поддерживаемой легкими 37-мм орудиями. При выходе вражеской пехоты к кромке леса на краю Скробово, она была обстреляна нашими бойцами. Фашисты стали предпринимать активные действия на флангах своего наступления с целью выяснить границы советской полосы обороны. По территории деревни Скробово стали стрелять немецкие 105-мм пушки. Важным звеном в тактике немецкой атаки на Скробово, было наличие в наступающих порядках пехоты артиллерийских корректировщиков. Снабженные носимыми радиостанциями, они имели возможность быстро передавать на свою батарею координаты целей и оперативно вносить поправки в параметры прицеливания орудий.

17:00

В бой у Скробово вступили основные силы 418 пехотного полка фашистов. Наши бойцы активно действовали по наступающему противнику огнем 45-ти миллиметровых пушек и станковых пулеметов с замаскированных позиций на высотах 140,4 и 152,3. Огонь немецких пушек из Асеток поджег деревенские дома, но серьезного урона обороняющимся красноармейцам пока не принес. Артиллеристы противника пока что работали по площадям, не накрывая наши позиции прицельным огнем. Больше беспокоил наших бойцов огонь немецких 37-мм орудий, которые стреляли из-за деревьев и их местоположение в дыму и пыли, обнаружить было практически невозможно.

Тем не менее, к вечеру 9 июля 1941 года противник, подойдя вплотную к нашему оборонительному рубежу в Скробово, прорвать его на направлении главного удара не смог и вел пулеметно-артиллерийский огонь по советским позициям от кромки леса.

Наши пулеметчики не позволили вражеской пехоте начать обход наших позиций на левом фланге. Когда фашисты начали свой обходной маневр, они попали в пулеметную засаду, организованную красноармейцами в поросшей кустарником низине. Потеряв около отделения убитыми, немцы откатились назад к своей основной группировке.

20:00

Итоги боевых действия 9 июля 941 года командование 123 пехотной дивизии явно не радовали. Еще утром оно было в полной уверенности, что путь с южного направления во фланг Себежскому укрепленному району практически открыт. Но теперь, когда на рубеже рек Синюха и Студенка части 418 пехотного полка наткнулись на серьезное сопротивление советских войск, ситуация для дивизии менялась. Стало понятно, что, как и на участке наступления дивизии СС «Мертвая голова» и 290 пехотной дивизии в районе Заситино, Батово, Белые Ключи, Техомичи, Крёково, здесь тоже возникнут затруднения и легкого марша к городу уже не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.